

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

О ДРЕВНЕУДМУРТСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ

Удмуртские личные имена рассматриваются нами на основе опубликованных исторических документов XV—XVII вв.¹ Указанный источник содержит богатый ономастический материал, к сожалению, до сих пор не исследованный лингвистами. В документах по истории Удмуртии зафиксированы удмуртские, русские и тюркские имена жителей Вятского края.

Предмет настоящего исследования — удмуртская антропонимия XVI—XVII вв. Основное внимание автор сосредотачивает на составе личных имен (семантике основ) и способах их образования. Слово «древнеудмуртский» при этом понимается относительно, поскольку время регистрации рассматриваемых личных имен ушло не так далеко: нас разделяют лишь четыре-пять столетий.

Личные имена и их формы красноречиво отражают состояние того или иного периода общества, историю его культуры. Изучение истории личных имен имеет также прямое отношение к проблеме языковых связей соседних народов.

Удмуртская антропонимия — область, недостаточно исследованная, один из отстающих разделов удмуртского языкознания. Можно назвать здесь небольшие работы И. Васильева² и Кузёбай Герда³, в основном посвященные дохристианским (языческим) личным именам.

Антропонимический материал можно найти также в трудах М. Веске, Г. Верещагина, Б. Мункачи, Т. Борисова, А. Спицына, П. Н. Луппова и некоторых других⁴, попутно касавшихся темы удмуртских личных имен. В последнее время вопросами древних удмуртских личных имен заинтересовался Г. А. Архипов.⁵

¹ Удмурты в XV—XVII веках. Документы по истории Удмуртии XV—VII веков, Ижевск 1958 (в дальнейшем: Документы).

² И. Васильев, Языческие имена вотяков. — Известия по изучению Прикамского края, Сарапул 1917, стр. 27.

³ К. Герд, Вашкала удмурт нимѣс. — Кенеш 1928, № 17, стр. 17—21.

⁴ М. П. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань 1890, стр. 1—3 (Приложение); Г. Верещагин, Остатки язычества у вотяков, Вятка 1895, стр. 12—15; В. Munkácsi, Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken, Helsinki 1952, стр. 519—521; Т. К. Борисов, Удмуртско-русский толковый словарь, Ижевск 1932, стр. 368—373 (Приложение); А. Спицын, К истории вятских инородцев. — Календарь Вятской губернии на 1889 год, Вятка 1888, стр. 223; П. Н. Луппов, Христианство у вотяков в первой половине XIX века, Вятка 1911, стр. 134 и др.

⁵ Г. А. Архипов, Удмуртская ономастика. — Тезисы докладов и сообщений к Всесоюзной конференции по вопросам финно-угорского языкознания, Ужгород 1963, стр. 30—32; его же, Мар сярьсь верало вашкала нимѣс. — Молот 1968, № 7, стр. 62—64.

Из перечисленных наиболее интересна работа К. Герда, собравшего и составившего список 963 древних удмуртских имени. Автор не сообщает читателю об источниках добытых им сведений, не указывает на распространенность перечисленных имен, но часть личных имен этого списка засвидетельствована и в памятниках XV—XVII вв., отдельные же в реликтовом порядке продолжают существовать в бытовой речи части удмуртов до настоящего времени.

В интересующих нас записях русских писцов иноязычные имена приобрели русскую форму. Так, почти все личные имена удмуртов зафиксированы с уменьшительно-уничижительными формами на *-ко* (*-ка*), которые в конце средневековья употреблялись для обозначения представителей низших слоев населения на Руси: *Иванко, Богданко, Баженко, Гаврилко, Девятко, Пантелейко, Якимко, Семенко, Марданко* и т. д. В русском языке они в известной степени образовались на почве народных русских традиций. В. А. Никонов подчеркивает, что для простого люда в России XVI—XVII вв. обязательной формой имени была уничижительная с *-ка* (*Ивашка, Васка*), а для зависимых народностей Поволжья и Сибири эта форма сохранилась и много позже.⁶ Несмотря на то, что имена сильно русифицированы писцами, при тщательном анализе материала удастся выяснить исконные формы зарегистрированных в них иноязычных слов.

Группу удмуртских личных имен в XV—XVII вв. составляли христианские, мусульманские и языческие.

Христианские, или канонические, имена среди северных удмуртов уже три-четыре века тому назад занимали видное место. Широко распространенными в тот период были *Иванко, Давыдко, Дениско, Данилко, Микитко, Миколко, Наумко, Исайко, Онтонко, Онтипка, Офонка, Ондрейка*⁷ и т. п.

Церковные имена, пришедшие в Россию в X—XII вв.⁸ из Византии (причем не только греческие, но через греческий язык также древнеримские, древнееврейские, сирийские, египетские), в состав удмуртских личных имен попали через местное русское население⁹ и усваивались в основном в местном русском произношении.¹⁰ Разница между русскими и удмуртскими именами, заимствованными из русского языка, сказалась в своеобразии фонетической системы удмуртского языка. Освоенные удмуртами русские имена органически связаны с удмуртским произношением. Так, встречаем написания: *Подорко с товарищи*

⁶ В. А. Никонов, Личное имя — социальный знак. — Советская этнография 1967, № 5, стр. 160. В настоящее время в русской разговорной бытовой речи формы типа *Ванька* приобретают фамильярно дружеское значение. Удмуртами они воспринимаются и употребляются как обычные сокращенные имена.

⁷ Начальное *о* во встречающихся именах подчеркивает их севернорусский характер. О русских личных именах в местных русских говорах см. А. Соколов, Русские имена и прозвища в XVII веке, Казань 1891, стр. 4—5; Г. В. Тропин, Русские имена, отчества и фамилии, Иркутск 1961, стр. 24—31.

⁸ А. И. Соболевский, Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, Санкт-Петербург 1910, стр. 228.

⁹ По утверждению историков, русские жители стали проникать в Вятский край еще с XII в.; см. П. Н. Лупов, Северные удмурты в 16—17 веках. — На удмуртские темы, Москва 1931, стр. 112—114; Очерки по истории Удмуртской АССР I, Ижевск 1958, стр. 23.

¹⁰ Адаптация русским языком древнегреческих, латинских и других личных имен см. Русская диалектология, Москва 1965, стр. 76; Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, Москва 1962, стр. 203; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Москва 1965, стр. 55; А. В. Суперанская, Русские имена. — Справочник личных имен народов РСФСР, Москва 1965, стр. 12—15.

живут в Каринской волости (Вод. II 203¹¹); Подорко да Фетько Глуховы (Вод. I 193) — начальное *ф*, несвойственное удмуртскому языку, передано через губно-губное *п*.

В удмуртскую антропонию проникли также мусульманские имена: *Исупко*, *Ахметко*, *Маметко*, *Муска* и др. Северные удмурты, как известно, не были магометанами. Однако следует отметить, что антропонимия удмуртов, как и других финно-угорских народов Поволжья — марийцев, мордвы, содержит значительные элементы мусульманского влияния. Мусульманские имена попали к удмуртам через каринских татар, оказавшихся на р. Чепце с XIV в.¹², и бесермян, носивших в основном тюркские и мусульманские имена. Однако в массе удмуртских личных имен мусульманские составляют очень небольшой процент.

В общем ансамбле удмуртской антропоники обильно представлены дохристианские (языческие) имена. Среди неканонических имен выделяются русские, удмуртские и тюркские.

Русские неканонические имена, зарегистрированные в писцовых книгах Вятского края, в большинстве своем связаны с понятиями конкретных предметов быта, окружающей природы, с понятиями, связанными со временем и очередностью рождения детей, их поведением и т. д.

Наиболее распространенными русскими дохристианскими именами на Вятке в XV—XVII вв. были: *Нечайко* 'нечаянно родившийся', *Баженко* 'желанный', *Мирко* 'мирный, спокойный', *Морозко* 'родившийся в морозную погоду', *Зимачко* 'родившийся зимой', *Шумилко* 'шумливый, беспокойный', *Пискаляшко* 'пискливый, плачущий', *Первушка* 'родившийся первым', *Третьяк* 'родившийся третьим', *Девятко* 'родившийся девятым' и некоторые другие.¹³

Значения заимствованных русских слов удмуртами не осмысливались, поэтому именем *Девятко*, например, могли называть не обязательно девятого ребенка в семье, но и любого, ср. *У Кайсачка сын Девятко 7 лет* (Пап. 303); *У Чюпки дети Иванко 8 лет, Девятко 3 лет* (Коп. 293—294).

Указанные выше личные имена, происшедшие от русских слов, впоследствии на Вятке распространяются как прозвища и на их основе в дальнейшем создаются фамилии. Таковые зафиксированы у удмуртов и русских, например: *Кошка* — *Богдашко Никитин сын Кошкин* (Поч. III 275); *Белорыбка* — *Ермилко Афанасьев сын Белорыбкин* (Поч. IV 275).

Тюркские, т. е. имена, неузаконенные исламом, но происходящие от тюркских слов, также наличествуют среди удмуртских личных имен, например: *Карка* ~ *Кара* (< татар. *кара* 'черный, темный'), *Балтачко* (< татар. *балгачы* 'плотник, плотничий'), *Байко* (< татар. *бай* 'князь, хозяин'), *Тутайко* (< татар. *тутый* 'попугай'), *Туганко* (< татар. *туган* 'родной, родственник').

Как видно из приведенных примеров, все эти личные имена имеют соответствия в татарском языке. Личные имена татар — непосредствен-

¹¹ Сокращения см. в конце статьи. Цифры, записанные после сокращенного слова, указывают на номер страницы Документов.

¹² Документы, стр. 19.

¹³ Древнерусские дохристианские имена подобного рода классифицированы А. М. Селищевым, см. А. М. Селищев, Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — Ученые записки Московского государственного университета, вып. 128, кн. 1, 1948. В несколько ином плане, но тоже по особым группам рассматривает эти имена В. К. Чичагов, см. В. К. Чичагов, Из истории русских имен, отчеств и фамилий, Москва 1959; см. также С. Роспонд, Структура и классификация древневосточных антропонимов (имен). — ВЯ 1965, № 3.

ных соседей удмуртов, к сожалению, плохо разработаны, поэтому нет возможности сопоставить их с удмуртскими. Имеется лишь небольшая работа Г. Ф. Саттарова, которая содержит очень мало фактического материала.¹⁴

Среди дохристианских личных имен удмуртов много исконно удмуртских. По своему характеру они различны: могут быть образованы от названий птиц, животных, насекомых и других нарицательных слов. Рассмотрим способы их образования.

Многие имена в прошлом представляли апеллятивы: *Юберко* (в собственно удмуртском произношении *Юбер* < *юбер* 'скворец'), *Квака* (< *квака* ~ *куака* 'ворона'), *Кыйко* (< *кый* 'змея'), *Нумырко* (< *нумыр* 'червь'), *Сабанко* (< *сабан* 'соха'), *Мушка* (< *муш* 'пчела') и многие другие. Подобного типа имена приводили в своих исследованиях и другие авторы, касавшиеся удмуртских антропонимов.

Как известно, финно-угорские языки вообще и удмуртский в частности богаты средствами словообразования, причем система способов образования слов весьма разнообразна. Группа личных имен удмуртов не отличается таким своеобразием: суффиксация довольно ограничена, однако в отличие от современной системы личных имен древняя удмуртская антропонимия имеет свои особенности. В ней встречаются специальные антропоформанты.

Наиболее ярким примером такого типа образования удмуртских имен служат имена на *-эг* (*-ег*). Приведем примеры:

Пелег (< *пель* 'ухо' + *эг*): *Пелег Талин* (Показ. I 379); *отяк Техтемирко* [*Бектемирко*]¹⁵ *Богданов сын Пелегов с детьми ... с Пелегом да с Зючу ... Пелег женат* (Солд. 232);

Мушег (< *муш* 'пчела'): [двор] *отяка Зянсы Такакина сына Юберева с детьми ... Мушег 7 лет* (Б. Игра I 223);

Удег (< *уд* 'всходы'): *Удег Возисев* (Показ. I 378); *Удег Лесников*, *Удег Квакин* (Показ. I 379), *Удег Андреев* (там же);

Ужег (< *уж* 'работа, дело') — это имя встречается лишь в притяжательной форме, т. е. в форме полуотчества: *Меретко Ужегов* (Н. тат. пог. 182);

Пусег (< *пус* 'метка, знак, клеймо, тамга') — встречается только в притяжательной форме: *Ипеш Пусегов* (Посх. 184);

Чужег (< *чуж* 'родной, свой'; др.-перм. *чужны* 'родиться, появиться'¹⁶): *Чужег Сергеев сын Токтамышев* (Деб. I 226); *Чужег Илашев* [*Улашев*] (Показ. I 379); *Чужег Лысов* (Показ. II 381);

Почег (< *почи* 'маленький, небольшой'): [двор] *Сасага Юберев сын Ветышев с детьми ... Почег 10 лет* (Б. Игра I 223);

Шудег (< *шуд* 'счастье, счастливый'): *Шудег Бирдин* (Показ. II 381); *Шудег Семенов* (Приг. 399);

Ожмег (< *ожм-*: *ожмаськыны* 'воевать, сражаться'; *ожмаськись* 'воин, боец'): *отяк Ожмех* [*Ожмег*] *Седаков сын Чурин с детьми* (Зура, 224), ср. *Тренка Ожмегов сын Едигаров* (Х. пог. 236). Под именем *Ожмег* у удмуртов известна историческая личность — военачальник, под руководством которого удмурты прикамской группы поднимались на борьбу с казанскими ханами¹⁷;

¹⁴ Г. Ф. Саттаров, Некоторые вопросы тагарской антропонимии. — Вопросы истории, филологии и педагогики, Казань 1965, стр. 68—72.

¹⁵ Заключенные в квадратные скобки слова прочтены автором.

¹⁶ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 216.

¹⁷ Очерки истории Удмуртской АССР I, Ижевск 1958, стр. 34.

Порег (< *пор* — удмуртское наименование марийцев; в прошлом *пор* означало 'чужой, не свой человек, человек чужого рода'¹⁸) — это имя в исторических документах зарегистрировано в притяжательной форме, т. е. в форме полутчества: *отяк с Полому Сергеушка Порегов сын Гезегов* (Деб. I 226). Этноним *пор* ~ *нора*, впоследствии употребившийся, видимо, как личное имя, а затем прозвище, лег в основу образования современной распространенной фамилии *Порин*.

С элементом *пор* много топонимических названий в северной части территории расселения удмуртов: *Порвай*¹⁹, *Поршур*, *Порово*, *Порым*, *Поркар*²⁰, *Поршай*²¹ и некоторые другие. Нам известны названия селений Порпиево в Глазовском районе и Портурнес — в Дебесском районе Удмуртской АССР.

Названия населенных пунктов с элементом *пор*: *Порици*, *Порики* — отмечены в Котельничском районе Кировской области.²² Некоторые топонимы на *-эг*, существующие ныне на территории Удмуртии, по-видимому, ведут свое начало от древних антропонимов. Так, в Дебесском районе в настоящее время есть деревня с названием *Посэг* или *Посэг-чумо*, значение которого забыто.

Некоторые антропонимы не поддаются интерпретации на материале удмуртского и русского языков: *Сасег*: *Сасег Иванов*, *Сасег Сеин* (Показ. II 381), ср.: *Балтачка Сасегов сын Мосеев* (Ворча 262); *Идег*: *Идег Кайсин* (Показ. II 381); *Идег Динеев* (там же), *Идег Иванов* (Показ. I 378); *Замег*: *Замег Михалев* (Показ. II 381)²³; *Низнег*: *Низнег Иванов* (Показ. II 381) и некоторые другие.

Многие из рассматриваемых древнеудмуртских имен на *-эг* в письменных источниках употреблены в русской уменьшительно-ласкательной форме, где конечный согласный основы *г* перед суффиксом заменяется согласным *ш* (< *ж*). Приведем несколько примеров:

Чужег > *Чужешко*: *Чужешко Зямалов сын Кузяков* (Уг. 328);

Пислег > *Пислешко*: *Пислешко Бурин* (Дер. 187), *Пислешко Сутин* [*Сытин*] *сын Степанов* (Деб. II 258);

Пасег > *Пасешко*: *у Камашка 2 брата — Пасешко, Салтычко* (Варни, 257), *отин Пасешко Сасегов сын Юберев* (Б. Игра II, 261);

Шудег > *Шудешко*: *Шудешко 15 лет* (Пол. 237);

Ужег > *Ужешко*: [*во дворе*] *пусто отяка Ужега Люкина сына Кайсина. Ужешко умер с сыном в прошлом 153 г.* (Зура 224);

Ожмег > *Ожмешко*: *Сабанко да Онмешко* [*Ожмешко*] *Токтамышевы* (М. Игра 188);

**Гужег* > *Гужешко* (*Гужег* < *гуж*: *гужаны* 'печься на солнце, выгореть, выбелиться на солнце (о тканях)' — УРСл.): *у Ерейка сын Сенка 8 лет да Гужешко 1 г.* (Поч. I, 207) и т. д.

¹⁸ К. Четкарев, Племенные названия марийцев. — Ученые записки МарНИИ, вып. V, Йошкар-Ола 1953, стр. 129; Т. И. Тепляшина, К вопросу об этнониме *пор*. — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола 1967, стр. 263—264.

¹⁹ В материалах XV—XVII вв. отмечена река под названием *Порвай*, см. Документы, стр. 201.

²⁰ Б. Мункачи название деревни *Поркар* дает в форме *Porkargurt*, см. В. Мункácsi, указ. раб., стр. 526.

²¹ Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление, Ижевск 1956, стр. 198. О названиях мест древних поселений в бассейне р. Чепцы см. В. Ф. Геннинг, Археологические памятники Удмуртии, Ижевск 1958, стр. 140—186.

²² В. М. Лопаткин, Лексико-семантический и словообразовательный анализ топонимии Кировской области (дипломная работа), Москва 1968.

²³ В источниках встречается название реки *Зумеговка*, возможно, этот гидроним имеет общее происхождение с личным именем *Замег*, см. Документы, стр. 238.

Наблюдения показывают, что суффикс *-эг* (*-ег*) не может присоединяться к именам от апеллятивов русского и татарского происхождения; он употребляется только с исконно удмуртскими словами. Следовательно, мы имеем дело с собственно удмуртским суффиксом.

В современном удмуртском языке встречается словообразовательный суффикс *-эг* (орф. *-ег*) со значением, главным образом характеризующим свойство предмета или лица, например: *куасег*, *лазег*, 'мелкий, неглубокий', *лапег* 'низкий, невысокий', *куалег*, *кежег* 'суетливый, неспокойный, торопливый', *ненег*, бесермянское *нерег* 'изнеженный'. В зависимости от их синтаксической роли эти же слова в некоторых случаях могут выступать также в качестве наречий и имен существительных.²⁴ Вместе с тем имеется и очень небольшая группа слов с этим древним суффиксом, относящаяся только к именам существительным, например: *курэг* 'курица', *кесэг* 'кусок, отрезок', *сэрег* 'угол', *путэг* 'щель, трещина', *урдэг* 'домотканное сукно', *керег* 'страдалец' (Бор.), *тэрэг* 'ива' (Бор.).

В суффиксе *-эг* (*-ег*) приведенных слов явно ощущается значение уменьшительности. К этому значению с течением времени прибавилась, видимо, функция ласкательности, что наиболее отчетливо выступает в древних личных именах. Позже, как это видно по данным записей последующих лет, суффикс *-эг* (*-ег*) в общей системе образования удмуртских слов словообразовательную функцию теряет; продолжает он сохраняться устойчиво лишь в антропонимии. В сфере личных имен этот суффикс стал способом грамматической дифференциации их из среды многих других подобных им лексем. Судя по рассматриваемым спискам Переписей и исторических документов, в XV—XVII вв. суффикс *-эг* (*-ег*) весьма активно участвовал в создании личных имен. По частоте употребления он — самый распространенный: с помощью этого суффикса возник и установился особый антропонимический ряд.

Личные имена на *-эг* начиная с XVIII в. стали уступать свое место заимствованным именам, связанным с культом христианской церкви. Сохранились лишь единичные удмуртские наследственные семейные наименования, образованные от древних личных имен на *-эг*: *Пелегов*, *Мушегов*, *Пусегов*, *Ожмегов*.

Довольно продуктивным суффиксом в образовании личных имен от нарицательных существительных был также *-эй* (*-ей*). Приведем примеры:

Кибейко (< *кибы* 'насекомое' + *эй*): *Кибейко Чутин сын Елхузин с детьми* (Омс. 214);

Турейко (< *тур* 'тетерев'): *Турейко Юшкетов* (Пр. дв. 247);

Тугейко (< *туг* 'хмель'): *Тугумко Бындыков сын Туктамышев у него дети Тугейко да Мекейко* (Туп. 317);

Чагейко (< *чаг* 'лучина'): *у Чагейка сын Пискляшко 1 года* (Б. Игра I 223); *Чагей Пыжин сын Ветышев* (там же);

Дючейко (< *дюч* < удм. *зүч* 'русский, русский человек'): *Дючейко Зюин сын* (там же);

Сабанейко (< *сабан* 'соха', ср. татар. *сабан* 'плуг'): *у Сабанейка сын Тиминко* (Бур. 221); ср. *Сабанайко: Усейко Баимов сын Бечюсюрин [Байчурин], у него дети Курбанайко женат, Сабанайко женат же* (Ил. 264);

²⁴ О морфологически недифференцированных словах в удмуртском языке см. П. Н. Перевощиков, Краткий очерк грамматики удмуртского языка. — Русско-удмуртский словарь, Москва 1956, стр. 1279.

Бегенейко (< *Бегенко*): у *Ситки* дети *Мишка* 4 лет, *Типанко* [*Тупанко*] 3 л., *Бегенейко* 2 л. (Кушм. II 293) и т. д.

Удмуртские имена на *-эй* (*-ей*), по-видимому, образовались под влиянием тюркских языков, в именах которых часты конечные основы на *-эй*, *-ай*. Таких много, например, в чувашском языке: *Агидей*, *Аканей*, *Иваней*, *Уганей*, *Чодай* и другие.²⁵

В документах по истории Вятской земли подобного типа образования имен встречаются также у бесермян и татар:

Бисарейко (< *Бисарко*): бесермянин *Бисарейко Байгитов сын Байкузин* (Кр. Сл. 295);

Шабердей (< *Шаберда*): *Шабердей Баушев сын Пыжина с детьми* (Б. Игра I 223);

Зянкирейко (< *Зянкирко*): *Зянкирейко Батюков* (Б. тат. пог. 182);

Акейка (< татар. ак 'белый'): *Починок каринских бесермян Акейка да Туганка Баимовых* (Документы, стр. 278);

Солейко: *Починок каринского татарина Солейка Сейтакова* (там же) и т. д. Приведенные примеры показывают, что в письменных источниках Вятской земли распространены имена на *-эй*. Личные имена с суффиксом *-эй* (*-ей*) известны и в марийском языке. Отмечены они и в мордовском²⁶, древневенгерском, ср.: *Kuney* (< *kún* 'половец'), *Sunthey* (< *csont* 'кость'), *Vederey* (< *veder* 'ведро')²⁷ и т. д.

В. К. Магницкий указывал, что русские фамилии с основой на *-ай*, *-эй* также имеют тюркское происхождение, например: *Менделей* > *Менделеев*, *Тургеней* > [*Тургенеев*] > *Тургенев*.²⁸

Вышеприведенные сопоставления приводят нас к заключению, что активно образующий удмуртские личные имена суффикс *-эй* является общим для финно-угорских и тюркских языков Поволжья.

В записях удмуртских имен встречаются образования с русским суффиксом *-шко* (с сохранением конечного гласного основы имени), например: *Чюпашко* (< *Чупан* — имя действия от *чупаны* 'целовать, поцеловать'): *Карка Зянкедеев сын Кайсии у него дети ... , у Ивашка дети ... Чюпашко году* (Игра 322); *Цыбышко* (< *Чибынь*: здесь специфическое свистящее произношение северноудмуртского *ч* русскими писцами воспринято как русское *ц*; ср. сев.-удм. *чибынь* 'муха'): *Цыбышко Бьянов* (Поч. II 249).

Такого типа формы возникли по аналогии с русскими образованиями: *Иван* — *Ивашко*, *Богдан* — *Богдашко*, *Степан* — *Степашко*.

В некоторых случаях в фиксации удмуртских личных имен наблюдается взаимозаменяемость суффиксов, т. е. одно и то же имя может быть употреблено в разных формах. Так, от основы *чужж*- образуются формы: *Чужжо*, *Чужжа*, *Чужжег*, *Чужжешко*, ср.: *Чужжо Максимов* (Кушм. I 187), *Чужжо Поденов* (Порга 186); *Чужжа* (здесь налицо адаптация к форме русских имен на *-а*): *Чужжа Иванов* (Гож. I 183); *отяк Чужжес*

²⁵ В. К. Магницкий, Чувашские языческие имена. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, 1905, вып. 2, стр. 1—32; вып. 3, стр. 33—64; вып. 4, стр. 65—102. Рукопись этого труда имеется и в Рукописном отделе Научной библиотеки Казанского университета. Их две. Первая называется «О языческих именах у чувашей», ед. хр. 1.555; вторая — «Чувашские языческие имена», ед. хр. 7.593.

²⁶ Н. Мокшин, Старинные мордовские имена. — Литературная Мордовия 1961, № 25, стр. 111—114.

²⁷ К. Е. Майтгинская, Словообразование имен в старо- и средне-венгерском языке, Москва 1965, стр. 13; см. также: В. Kálmán, A nevek világa, Budapest 1967, стр. 35, 66 и др.

²⁸ В. К. Магницкий, указ. раб., стр. 6.

Копысов сын Волосева (Бал. 229); Чужешко Опарин сын Кирчин (Оз. 291) и т. д.

Итак, в структуре удмуртской антропонимии XV—XVII вв. обнаруживаются определенные модели образования слов. Активными участниками в создании личных имен были древние суффиксы *-эг* (*-eg*) и *-эй* (*-ey*). Первый относится к собственно удмуртским суффиксам, второй — имеет общность с тюркскими языками. Таким образом, мы видим, что установившиеся исконно удмуртские антропонимы со специфическими для них «оформлениями» вошли в документы XV—XVII вв. как официально принятые имена.

Совместная жизнь удмуртов, русских, татар и бесермян в течение нескольких веков способствовала распространению у них одинаковых собственных личных имен: с XV в. в состав личных имен удмуртов стали проникать русские и христианские, тюркские (татарские) и мусульманские имена.

Особый слой удмуртской антропонимии в рассматриваемый период составляли дохристианские (языческие) имена, ведущие свое начало издавна. Эти языческие (некалендарные) имена представляли собой обычные нарицательные слова — названия птиц, животных, насекомых и т. д.

Апеллятивная лексика, несшая функцию личных имен, в большинстве финно-угорских языков, как и во многих других нефинно-угорских языках, послужила базой для формирования фамилий.²⁹ Удмуртские личные имена, образованные от апеллятивов, на Вятке исчезли, оставив лишь незначительные следы в семейных наименованиях: они почти полностью оказались замененными христианскими именами.

Изучив состав и характер личных имен удмуртов трехсот-, четырехсотлетней давности, мы приходим к выводу, что в их образовании лексико-семантический способ преобладал над морфологическим.

Сокращения

Бал. — Балезина погоста над Чепцою рекою; **Б. Игра I** — Деревня Большая Игра; **Б. Игра II** — Деревня Большая Игра на р. Лозе; **Б. тат. пог.** — Большой татарский погост; **Бур.** — Погост Бурин; **Варни** — Починок Варни; **Вод. I** — Починок Водисов; **Вод. II** — Пустошь, что был починок Водисов; **Ворча** — у погост Ворча; **Гож.** — Погост Гаженов [Гоженов]; **Деб. I** — Починок на Дебессе речке; **Деб. II** — Починок Дебесовский; **Дер.** — Деревня на р. Чепце против устья речки Лекмы; **Зура** — Деревня Зура; **Игра** — Деревня Игра над Лозою рекою; **Ил.** — Деревня Илясовская; **Коп.** — Деревня Копова; **Кр. Сл.** — Деревня на Красной Слудке; **Кушм. I** — Деревня на реке на Чепце на Кушмане на старом городище; **Кушм. II** — Деревня Кушманская; **М. Игра** — Деревня Малая Игра; **Н. тат. пог.** — Нижний татарский погост; **Оз.** — Деревня Озерки; **Омс.** — Погост Омсин; **Пап.** — Починок вновь расчисной Папоговской; **Показ. I** — Показание каринских татар и бесермян, каринских и верхочепецких удмуртов московским сыщикам князю Дашкову и дьяку Карпову 30 декабря

²⁹ См. Н. Мокшин, указ. раб.; В. Светлаков, К вопросу о происхождении коми-пермяцких фамилий. — Наш край, вып. 1, Пермь 1964, стр. 61; В. П. Выборов, Личные собственные имена и их стилевые и экспрессивно-оценочные формы в нижневьегодских говорах коми языка. — Ученые записки Коми пединститута, вып. 10, 1962.

1636 г. о народном восстании на Вятке в 1635 г.; **Показ. II** — Показание 2 удмуртских целовальников и 77 удмуртов тем же московским сыщикам о народном восстании на Вятке в 1635 году; **Пол** — Деревня Полом над Пызепом речкой; **Порга** — Погост Порга; **Посх.** — Погост Посхинцы; **Поч. I** — Починок на реке Косе; **Поч. II** — Починок у Косы реки; **Поч. III** — Починок, вновь расчищен татарина Исупка Арасланова; **Поч. IV** — Починок отина Будки Аккузина; **Пр. дв.** — Приставные дворы в Каринской и верхочепецкой волости у удмуртов и бесермян по Переписи 1662 г.; **Приг.** — Мирской приговор верхочепецких удмуртов Хлыновского уезда верхочепецкой доли от 28 февраля 1694 года; **Солд.** — Городище Салдырское (Солдырское) на речке на Чепце; **Туп.** — Деревня Тупалпорга; **Х. пог.** — Хопов погост на речке на Бутове; **Уг.** — Деревня Угаз; **Яроsl.** — Деревня Ярославская татарская.

Бор. — Т. К. Борисов, Удмуртско-русский толковый словарь, Ижевск 1932; **УРСл.** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1948.

T. I. TEPLJASINA (Moskau)

ÜBER DIE ALT-UDMURTISCHEN PERSONENNAMEN

Die vorliegende Arbeit, die sich mit der Semantik der produktiven Basis der udmurtischen Personennamen und mit der Art und Weise ihrer Bildung befaßt, stützt sich auf das Material der Volkszählungen der Bevölkerung des udmurtischen Gebiets im XV.—XVII. Jh.

Vor drei-vier Jahrhunderten wurden bei der Bildung udmurtischer Personennamen benutzt: christliche Namen: *Данилко, Максимко, Ивашко, Гришка, Митка*; muslimanische Namen: *Маметко, Ахметко, Исупко*; heidnische Namen: а) russische: *Морозко, Поспелко, Болтайко, Путилко, Баженко, Худячко, Сидячко, Третьяк, Девятко*; б) türkische: *Балтачко, Байко, Туганко, Тутайко, Чупка, Тукташко, Туктамышко*; в) udmurtische: *Юберко* (< юбер 'Star'), *Нумырко* (< нумыр 'Wurm'), *Шушко* (< шуш 'unschön'), *Муска* (< мусо 'Liebling, Verzug'), *Чеберко* (< чебер 'schön'), *Италмаско* (< италмас 'Kügelhahnenfuß' [Name einer Blume]).

Im Artikel konzentriert sich die Hauptaufmerksamkeit auf die letztgenannte Gruppe von Personennamen.

Die ureigenen udmurtischen Personennamen enthalten verschiedene Arten von Gattungsnamen: Benennungen von Vögeln, Tieren, Insekten, Wörtern, die das Äußere einer Person bezeichnen usw. Strukturell sind die ureigenen udmurtischen Personennamen des XV.—XVII. Jh. durch folgendes gekennzeichnet: а) die weitverbreitete Benutzung von Gattungsnamen zur Bezeichnung der Personennamen: *Кайса* (< кайсы 'Kreuzschnabel' [Name eines Vogels]), *Мушка* (< муш 'Biene'), *Сабанко* (< сабан 'Hakenpflug'); б) das Vorhandensein eigener wortbildender Suffixe *-эг*, (*-eg*), *-эй* (*-ej*): *Мушэг* (< муш + эг), *Пусэг* (< пус 'Zeichen' + эг), *Шудэг* (< шуд 'Glück; glücklich' + эг), *Турейко* (< тур 'Birkhahn' + эй), *Тугейко* (< туг 'Hopfen' + эй), *Чагейко* (< чаг 'Span' + эй), *Дючейко* (< дюч < зуч 'russisch' + ей).